

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

О не состоятельности естественной религіи въ дѣлѣ нашего спасенія.

Едва разумѣваемъ, яже на земли, и яже въ рукахъ обрѣтаемъ съ трудомъ: а яже на небесахъ, кто изслѣди?
(Прем. Сол. гл. 9 ст. 16).

Что для земли солнце, то для человѣческаго рода религія откровенная. Безъ солнца не было-бы на землѣ ни свѣта, ни теплоты плодотворной: безъ откровенной религіи не было-бы въ родѣ человѣческомъ ни истины, ни добра, — не было-бы и истинно-правственной жизни. Въ необходимости сверхъестественной религіи глубоко были убѣждены само язычники. Исторія свидѣтельствуетъ, что ни одинъ почти народъ не довольствовался обыкновеннымъ, естественнымъ познаніемъ о Богѣ; но, или ожидалъ съ неба сверхъестественнаго откровенія⁽¹⁾, или уже исповѣдуемую имъ религію принималъ и выдавалъ за божественную⁽²⁾. Можно-ли, послѣ сего, было ожидать, что увѣренность въ настоятельной необходимости для человѣчества откровенной религіи найдетъ себѣ противниковъ въ мірѣ христіанскомъ, въ мірѣ, столь облагороженномъ ею и возвышенномъ? Опытъ, однакоже, вполне подтверждаетъ эту не радостную для насъ истину: приложенное къ исторіи религіи понятіе новѣйшей философіи *о прогрессѣ*, или о постепенномъ и постоянномъ движеніи рода человѣческаго отъ несовершенства къ совершенству, привело нѣкоторыхъ *враговъ креста Христова* (Фил. 3, 48) къ мысли о постепенномъ естественномъ развитіи и усовершенствованіи религіи, — и они, отвергая Божественное

(1) Египтяне ожидали Емефа гермесева, предопредѣленнаго Богомъ — быть главою духовъ, и надѣялись, что Оръ, сынъ озирисовъ, истребитъ Тифона. (См. у Идынихъ о мѣсахъ египетскихъ и Плутарха объ Изидѣ и Озирисѣ). Греки, по-крайней-мѣрѣ, мудрейшіе изъ нихъ, ожидали такого существа, которое оставитъ Олимпъ и явится, чтобы научить людей жить съ Богомъ (Vid. Apolog. Socrat. et colloq. Platon. Epimenid. Alcibiades). Китайцы героя Кіугэ почитаютъ предопредѣленнымъ для возстановленія міра въ первобытное его состояніе. (См. разгрн. Рамзая о мѣсахъ).

(2) Римляне свои обряды производили отъ низшаго Эгерія. Индійцы свои Веда признають за откровеніе — Брами; Персы вѣрили, что Зороастръ Зенд-авесту получилъ въ рай отъ Бога (Viest — in Demonstrat. Evang. 5. 221 л.). Последователи Магомета почитаютъ Алкоранъ — откровеніемъ Божественнымъ. (Vid. Jntit. Theolog. Lieberm. Tom. 1 pag. 424).

откровение и признавал христианскую религію только за выраженіе идей естественной религіи, полагають, что для человека достаточно одной этой религіи, чтобы благоугодить Господу⁽¹⁾ и, такимъ образомъ, достигнуть своего высокаго папаченія.

Нѣтъ нужды говорить, до какой степени по основательно и богопротивно такое мнѣніе. При добросовѣтномъ изслѣдованіи 1) такъ называемой народной религіи образованнѣйшихъ государствъ древняго міра и 2) ученія философовъ, касательно предметовъ вѣры и нравственности, особенно-же 3) при взглядѣ на состояніе природы человека, сама собою отрывается несостоятельность естественной религіи безъ религіи откровенной въ дѣлѣ нашего спасенія.

1) Неоспоримо, что существенный предметъ религіи есть Богъ, а цѣль ея ближайшая—примиреніе и соединеніе человека съ Богомъ. Чѣмъ возвышеннѣе предметъ и чѣмъ важнѣе цѣль религіи, тѣмъ надежнѣе должны быть и средства, руководяція къ предполагаемой ою цѣли. Безъ этого религія осталась-бы только религією по имени, и потеряла-бы свое высокое значеніе. Но не такъ-ли и была дѣйствительно народная религія язычниковъ?

Исторія человеческого рода свидѣтельствуетъ, что, со времени образованія государствъ, *Богъ единый* былъ только *во Иудеи* (Пс. 71, 1) и что только народъ Божій приносилъ Ему жертвы пріятыя, какъ преобразованіи собою агнца, закланнаго отъ сложенія міра (Апок. 13, 8). Что-же касается до прочихъ народовъ языческаго міра, то все они, оставшіеся подъ руководствомъ одной естественной религіи, уклонялись, мало-по-малу, отъ единобожія, бывшаго общимъ достоинствомъ, первоначально, всего человечества, (Исх. 20; 2, 3. Второзак. 4; 35, 32, 37—39. Исaih 37; 10, 11, 16, 19, 43, 10, 44, 6, 7, 12—20. Иерем. 2, 27. Дѣян. 14, 11—18) въ многобожіе⁽²⁾, (Пс. 44, 12—20. Іор. 2, 27, 10; 6—10. Дѣян. 14, 1—18), и, извѣя самія нечлѣныя понятія о Богѣ⁽³⁾,

(1) Не говоря о Гербертѣ и Замлерѣ, отвергшихъ необходимость искупленія (См. Ист. Иннок. стр. 838, изд. 1829 г.), повѣйшіе послѣдователи ихъ простерли свою дерзость еще далѣе: Вейтшайдеръ, коего догматика пользуется классическимъ достоинствомъ у рационалистовъ, утверждаетъ, что сверхъестественное откровеніе вовсе не необходимо, даже невозможно. (Vid. Perron. Praelectiones Theolog. Tom. 1 pag. 236).'

(2) Геродот. кн. 1. 134, 144. Цицер. de natura deor. 1. 42; de legibus 11. 8. Августинъ Lib. IV. de civitate Dei c. 8.

(3) Такъ Крезъ, царь лидійскій, послалъ нѣсколько лидійцевъ въ Дельфы спросить у прорицателя: не стыдно-ли богу, что онъ отвѣтами побудилъ его Крезу—на войну противъ персовъ?

почтоша и послужиха твари паче Творца (Рим. 1, 25; Іер. 2, 27. Псал. 113, 12—15). Прилагая-же, по словамъ св. Златоуста, понятіе о Богѣ къ древамъ и камнямъ⁽¹⁾, естественно не могли и благоугождать предъ Богомъ, ни своими жертвами и обрядами, ни нравственною жизнію; между тѣмъ какъ все это необходимо для спасенія. Такъ персіянинъ обожалъ солнце, сіявшее надъ его головою, и огонь; халдеи поручалъ судьбу свою блиставшей надъ нимъ звѣздѣ; Египтянинъ въ пышномъ храмѣ поклонялся— или кошке, или апису⁽²⁾. Цицеронъ, обстоятельно изслѣдовавъ религіи древнихъ народовъ, говоритъ, что они признавали за боговъ даже вредныя и постыдныя вещи, воздвигая имъ канища⁽³⁾, что кромѣ добродѣтели, у нихъ имѣли алтари: лихорадка, фортуна, страхъ и самое безстыдство⁽⁴⁾.

И по оди только, такъ называемые, варварскіе народы унизили себя, столь грубыми понятіями о Богѣ. Кому неизвѣстно, что греки и римляне стояли на высшей степені образованія? Но что-же? Оставивъ примѣрные образцы по многимъ отраслямъ науки и искусства, они, въ тоже время, оставили намъ, какъ-бы въ непрерывнаемое доказательство безсилія разума въ дѣлѣ религіи,—и памятники самыхъ пелѣпыхъ своихъ вѣрованій. При изслѣдованіи этихъ памятниковъ, едва можно вѣрить, чтобы эти эстетическіе греки были такъ неразборчивы въ своихъ понятіяхъ о Богѣ,—чтобы римляне, отличавшіеся во всѣхъ другихъ дѣлахъ умомъ практическимъ, въ одномъ толь-

Сверхъ того, поручилъ намъ спросить: есть-ли законъ, позволяющій эллинскимъ богамъ быть не благодарными? См. Иск. Геродот. Т. 1 стр. 153, изд. 1826 г. въ Сиб.). Обращаясь къ египтянъ, говоритъ Тертуліанъ въ 1-й ч. Аполог. на стр. 86, изъ которыхъ вы почерпнете уроки мудрости и добраго поведенія, съвинили нахожу я въ нихъ пелѣпости. Ваши боги, заступалъ то за грековъ, то за тронъ, сражающіеся между собою и выходятъ на поединокъ, какъ гладиаторы и проч. У Макганціи (въ XX гл. 1 кн. на стр. 80, пер. Карп. 1848 г.) читаемъ: когда Турклянній посіялъ камитой владыкѣ боговъ, то, видя, что тамъ многіе небольшіе боги имѣли свои канища, онъ велѣлъ авгурамъ учтило спросить ихъ: не согласятся-ли они удалиться и уступить мѣсто свое верховному своему владыкѣ. Они не заставили повторить себѣ предложенія и охотно уступили жилище свое богу, далеко ихъ превъвышющему. (Conf. Quint. Curt. lib. IV. c. 10, 21—28).

(1) См. толков. на 1-ю гл. къ Римляи.

(2) По замѣч. Геродот. Hist. liber. 1; Conf. jos. Glav. contra Appionem. l. 1, c. 9, p. 3.

(3) Lib. 11, de nat. deorum.

(4) Lib. 1, c. 1) de legibus. Conf. Dionys Halicarn. l. 1; S. Avgustin. стр. 91.

что это за богъ, призываемые народною религією?— Похотливый Зевесъ, кровожадный Арей, распутный Вахусъ, вороватый Меркурій и развратная Вестера!

Напрасно Имвлихъ и Порфирій, въ намѣреніи; конечно, придать болѣе значенія языческой религіи и поколебать христіанство, старались съ вѣтшии послѣдними мѣрами соединить смыслъ таинственный⁽¹⁾: если когда, то при этомъ случаѣ особенно *неправда*, какъ нельзя хуже, *согга себѣ* (Пс. 26; 12). „Есть и у насъ нѣкоторыя слова прикровенныя, говорить въ облеченіи этого толкованія св. Григорій Богословъ; по какал ихъ двузнаменательность и какал вила? Въ нихъ и видимое не осторбяетъ приличія и сокровенное достойно удивленія, и... подобно прекрасному тѣлу, не худою облакается одеждою... А у насъ (т. е. язычниковъ) и то невѣроятно, что нужно догадываться умомъ, и то пагубно, что предлагается взорамъ. Что это за благоразуміе—вести въ пристань по грязи, или по скаламъ и подводнымъ камнямъ? Какія будутъ слѣдствія такого ученія? Ты будешь пустословить и цпоказаніями прикрывать свои вымыслы,—но никто не будетъ тебѣ вѣрить. Скорѣе убѣждаются тѣмъ, что видятъ... скорѣе можно соединить раздѣленное самымъ большимъ пространствомъ, чѣмъ сочетать и привести въ согласіе ихъ (поэтовъ) вымыслы, или подумать, чтобы и смыслъ басенъ и оболочка ихъ были дѣломъ одного и того-жъ учителя“⁽²⁾.

Но лучше народная религія была и у римлянъ. Юпитеръ въ капитоліи окруженъ былъ служителями всякаго рода; ликторы стояли вокругъ его трона; докладчики (*nomen—clatores*) возвѣщали ему входящихъ. Другіе торли и умащали его статую, точно также, какъ женщины чесали каменные волосы Минервы, въ то время, когда другіи держали предъ нею зеркало⁽³⁾. Мало того: римляне даже кесарей сажали на роскошный тронъ Юпитера. Не только благотворителямъ, но и извергамъ чловѣчества: Калпулъ, Неіроу и Доминіану были воздвигаемы капища и алтари, курился олимпъ,—и самымъ ихъ изображеніемъ воздавались божескія почести⁽⁴⁾. А это неоспоримо дока-

(1) Jambl. de myster. Aegipt. VIII. Conf. Sistem. Intellect. Cudrort. T. 1. 499, 505; См. также въ 1-й ч. на стр. 43 и 44 (въ перевод. Карповда) Дахтацин.

(2) См. въ твор. св. отецъ, за 1843 г. 1 ч. стр. 172 и 173.

(3) См. Les Cesars par. M. le comte Fr. de Champ. въ пер. г. Башуцкого стр. 7.

(4) Conf. 4. Слова Григорія Богослова въ 1 ч. твор. св. отецъ стр. 134 и 135. Тертуліанъ говорить (въ пер. Карп. на стр. 35): „ни по справедливости воздасте умершимъ ва-

зываетъ, что идолъ, по ихъ понятію, былъ по изображенію только божества, но самое божество (1 Кор. 10, 19 и 20).

И по ограниченіямъ служеніемъ богамъ отечественнымъ, Римъ искалъ новыхъ боговъ: онъ созывалъ ихъ со всего свѣта въ свой пантеонъ, какъ-бы на смотръ, и въ каждой добычѣ находилъ новаго бога⁽¹⁾. Мы уже не говоримъ о томъ, что этотъ суевѣрный міръ, нами разсматриваемый, преисполненъ былъ еще пантеонами и безбожниками. Религія язычества, съ ея обрядами и понятіями о духовномъ мірѣ, казалась новымъ собраніемъ смѣшанныхъ предразсудковъ, „достойныхъ, какъ говоритъ Ювеналъ, вѣры однихъ только дѣтей и старыхъ бабъ“. Да и изъ дѣтей, продолжаетъ тотъ-же писатель, никто уже не вѣритъ хароновой лодкѣ и чернымъ жабамъ, обитающимъ въ болотахъ Стикса⁽²⁾. Кесарь въ полномъ собраніи сената, ясно проповѣдывалъ уничтоженію души за гробомъ и Катонъ не отвѣчалъ ему прямо: это несправедливо; а только говорилъ: это выходитъ изъ границъ оффиціального вѣрованія⁽³⁾. Плиній сожалѣетъ о божествѣ, если есть божество, и говоритъ, что служеніе богамъ, брошеною одними, для другихъ сдѣлалось постыдно. Между этими крайностями, человѣчество, говоритъ онъ, создало себѣ средній способъ дѣйствій, создало родъ божества, которое еще болѣе опутываетъ всѣ наши понятія о Богѣ; повсюду, съчастно всѣ голоса призываютъ фортуну⁽⁴⁾.

Признавъ, такимъ образомъ, все за Бога, кромѣ Бога истиннаго, или отвергнувъ боговъ въ пользу фанатизма, греки и римляне весьма ясно доказали, что религія естественная, которою она руководствовались, не можетъ сообщить правльнаго понятія о Богѣ. Следовательно, она недостаточна къ спасенію.

Обряды и средства примиренія съ божествомъ, употреблявшіеся у этихъ народовъ, еще болѣе показываютъ намъ не состоятельность ея въ этомъ отношеніи.

Извѣстно, что всѣ средства къ примиренію съ Божествомъ,—дѣло, къ которому побуждало язычниковъ, если не чувство темнаго преданія, то чувство ниниъ императорамъ тѣ-же божественныя почести, какія воздавали имъ и при жизни ихъ. Богомъ ваянъ должны благодарить всѣхъ и поздравлять самихъ себя, — что сопаришцами своими имѣютъ своихъ господъ и влстителей“.

(1) Пруденцій *contra Symmachum* 11, 358.

(2) Ювеналъ сатир. VII.

(3) Саллюстій *in Catilin.* 51. 52.

(4) *Plinius. in natur. histor* 11, 7.

ужаса предъ лицомъ разгнѣваннаго Бога,—всѣ, говорю, средства заключа-лись для нихъ въ однихъ только жертвахъ и вѣщныхъ дѣйствіяхъ, безъ внутренняго расположенія къ Богу. Но напрасно въ кровавыхъ обрядахъ Матры становились суевѣрные подъ жолѣзные рѣшетны, чтобы омыться кро-вию жертвы,—напрасно томились голодомъ, проходили чрезъ огонь⁽¹⁾, напра-сно ожидали рѣшенія судьбы своей отъ жрецовъ, вопрошавшихъ трепещущую внутренность, или гадавшихъ по полету птицъ; напрасно, наконецъ, искали очищенія въ холодныхъ струяхъ рѣчныхъ: подобныя средства не могли об-легчить мучительнаго состоянія тѣхъ, у которыхъ пробуждалось сильное со-знаніе виновности. Указывая на это состояніе язычниковъ, Плутархъ заеялю-чаетъ, что они и не въ полномъ умѣ, когда бодрствуютъ, и не свободны отъ безпокойствъ во время сна; ихъ умъ всегда грезитъ; ихъ страхъ всегда бодрствуетъ; нѣтъ для нихъ нигдѣ убѣжища⁽²⁾. А Овидій, осмѣивая спо-собъ очищаться отъ преступленій—омовеніемъ, говорить: „о, безразсудно! неужели можно, какъ вы думаете, смыть рѣчною водою кровавыя пятна убій-ства“!..⁽³⁾

Не возвышеннѣе и, не болѣе достойна была Бога и молитва язычниковъ. Они просили въ молитвѣ своей только чувственнаго и временнаго. „Довольно съ тебя, говоритъ Гораций, если ты просишь въ молитвѣ: дай мнѣ, Юпитеръ, жизнь и богатство, а мудрость и добродѣтель я самъ себя добуду“⁽⁴⁾.

Мы не смѣемъ уже войти съ свѣтилникомъ исторіи въ капища, столь часто обращенныя язычниками въ мѣста распутства. Кто рѣшится рассказы-вать о томъ, что дѣлалось въ храмахъ Юноны, Адониса, Пріапа, Цибели, на праздникахъ Флоры, на которыхъ стыдился присутствовать даже языч-никъ Катонъ⁽⁵⁾. Довольно, затѣмъ, что Флавій, не побоившійся пѣть іудеевъ, съ

(1) См. въ 1-й ч. твор. св. отец. 4 слов. на Юліан. Григор. Богослов. стр. 143.

(2) См. въ 44 ч. Христ. Чт. за 1831 г. стр. 323.

(3) Ouid. Fast. 245.

(4) Lib. 1. Epistol. XVIII. Sed satis est orare Jovem... Det vitam, det opes: aequum mi animum ipse-parabo.

И это еще не постыдливѣйшая изъ молитвъ: вотъ другая у того-же Горация: прекрасная Ля-вернія, богиня воровъ! Позволь мнѣ обманывать и казаться свитымъ...

(5) Vid. Tract. de veritate religionis Christianae cop. 11. Siche- auch, Schwarz. Handbuch 1. Band, s. 36; кромѣ сего см. у Лактанс. въ кн. de falsa religione на стр. 74. „Игры въ честь Флоры, говорятъ послѣдній, празднуются сообразно съ достоинствомъ богини, которой имя они носятъ, и пресмыкаются, такъ сказать,

негодованиемъ; однако-же, говоритъ о мерзостяхъ, совершавшихся въ храмѣ Иуды⁽¹⁾. Умалчиваемъ и о тѣхъ кровавыхъ жертвенныхъ обрядахъ, на которые указываетъ и слово Воліе (Іер. 7, 31, Пс. 105, 36—38) и современники⁽²⁾. И при поверхностномъ взглядѣ на обрядовую сторону языческой религіи, само-собою открывается, что молитвы ихъ и жертвы были мерзость предъ Господомъ и поруганіе святаго Его имени. Надобно, какъ справедливо замѣтилъ Боссеетъ, чтобы была кака я нибудь неприязненная сила, которая, приведши Имя Божіе въ презрѣніе, поощряла людей употреблять Его въ дѣлахъ только презрительныхъ и съ небреженіемъ присвоить вѣнцамъ столь недостойнымъ⁽³⁾.

Само-собою разумѣется, что, при такой реліиіи, ожидать добрыхъ нравовъ значило-бы тоже, что *искать смоквъ на терновникѣ* (Мук. 6, 44; Гал. 3, 12). И дѣйствительно,--освятивъ все пороки, идолопоклонствующій міръ вѣлъ жизнь, говоря словами св. Златоуста, въ полномъ смыслѣ *diavolsкую*⁽⁴⁾. Апостолъ языковъ, столь живо изобразившій, въ 1-й гл. посланія къ римлянамъ, нравственное безобразіе язычества, сіялъ черты его съ пачуры.

Благодари христіанской религіи, мы смотримъ на грѣхи содомскіе, какъ на послѣднюю степенъ разврата. И законъ гражданскій, и уставы церкви, и общее мнѣніе охраняютъ нашу нравственность отъ этихъ чувственныхъ оргій. Не то было въ мірѣ языческомъ: „въ древности такіи дѣла, говоритъ св. Златоустъ, считались даже законными, и одинъ языческій законодатель, запретивъ слугамъ мужеложство, предоставилъ это преимущество, пли, правильнѣе сказать, это студолѣніе только свободнымъ“. Да, язычникъ, продолжалъ тотъ-же святитель, и не признавали этого срамнымъ⁽⁵⁾. Распутство въ

печногою глаза и уши народа. А у Тертуліана, (на стр. 38) между прочимъ, читаемъ: не знаю, не имѣютъ-ли боги наши причинъ болѣе жаловаться на васъ самихъ, нежели на христіанъ. По-крайней-мѣрѣ все святотатства производится между вами.

(1) Lib. XVIII. о древностихъ.

(2) См. у Лакт. въ 1-й ч. на стр. 81, 82 и 83. Ничего нѣтъ удивительнаго, что варвары имѣютъ религію сообразно съ ихъ нравами, имѣютъ боговъ, подобныя имъ... Съ давняго времени существовалъ въ Италіи обычай приносить въ жертву людей, пока императоръ Адрианъ не прекратилъ его совершенно. Conf. de bello Gallico. Lib. VI. стр. 21. Jul. Caesar. Annales. Taciti. lib. XIV. стр. 3.

(3) См. разгон. о всеобщ. истор. ч. 11. стр. 70. изд. 1762 г.

(4) См. 4 бесѣд. на посл. къ римл. стр. 63. изд. 1839 г.

(5) См. 4 бесѣд. Златоуст. на посл. къ римл. стр. 67. изд. 1839 г. Conf. Aut. Gell. I. XVIII. стр. 2. et I. XIX. стр. 11.

лицъ женщины у пастъ есть плодъ разврата или пищи; а у язычествующихъ народовъ оно было дѣломъ внутренняго порядка, правиломъ домашняго быта. Христіанская религія, указавъ на петищный образъ супружества, какъ неразрывный союзъ во Христѣ (Ефесе. 5; 25—29), облагородила и освятила союзъ мужа и жены. Но чувственный грекъ видѣлъ въ лицѣ жены не подругу, а только орудіе своей страсти, почиталъ себя вправѣ отпустить ее подъ самыя ничтожныя предложенія; многоженство было почти во всеобщемъ употребленіи. И у римлянъ жена не могла жаловаться на мужа, если послѣдній нарушалъ супружескую вѣрность⁽¹⁾.

Незавиднѣе была участь и дѣтей. У грековъ и римлянъ подкидываніе и убійство ихъ, въ извѣстномъ случаѣ, дозволялось даже законами⁽²⁾. Римлянинъ, говоритъ Гиббонъ, былъ въ домѣ своего отца только вещью... Власть отца была вооружена правомъ жизни и смерти, и примѣръ кроваваго употребленія этого права, — употребленіе, которое часто одобрялось и никогда не наказывалось, находится въ лѣтописяхъ Рима до времени Августа⁽³⁾. Несмотря на предосторожности Клавдія, многіе, бывъ приведены въ отчаяніе плодородіемъ своихъ женъ, покидали новорожденныхъ, отрезались отъ дѣтей, пришедшихъ въ возрастъ, прерывали съ ними всѣ связи, единственно для того, чтобы имѣть свой дворъ, своихъ льстецовъ, подобно тѣмъ счастливымъ, одръ которыхъ былъ благословенъ безчадіемъ⁽⁴⁾. При такихъ отношеніяхъ мужа къ женѣ, — отца къ дѣтямъ, — могло ли семейство представлять собою общество, соединенное узамъ любви и взаимной довѣренности?..

О положеніи рабовъ тогдашняго времени уже и говорить нечего. Что невольникъ есть такое-же лицо, какъ и свободный гражданинъ, — это не приходило и на умъ языческимъ моралистамъ. „Рабъ отъ домашняго животнаго различается весьма по многимъ, говоритъ одинъ изъ нихъ: оба они служатъ только къ удовлетворенію житейскихъ потребностей владѣльца... Хотя рабъ одаренъ разумомъ, тогда какъ животное водится инстинктомъ, — но, по довольномъ разсужденіи, оказывается, что онъ только чувствуетъ разумъ, а не

(1) См. Христ. Чт. 1840 г. ч. 11. стр. 335; и у Маккаія см. 2 ч. 17 кн. стр. 75 въ пер. Карп.

(2) Cicer. de legib. Lib. III, c. 8; Svet. in vit. Vespas. c. 65; Senec. Lib. 5.

(3) Gesch. d. Verful. d. Romisch. Reich. übersetz. v. Hugo, 179. c. 44. § 87.

(4) Senec. Epist. ad. Martium 19.

нѣтъ его⁽¹⁾. Это была общая мысль грековъ о рабахъ. Аристотель только развивалъ ее. И римляне почти также думали о достоинствѣ невольниковъ⁽²⁾. Участь ихъ у этого народа была самая несчастная⁽³⁾. Жертва бича и темницы—рабъ, при малѣйшемъ изслѣдованіи, предавался господиномъ истязателю, съ предварительнымъ условіемъ заплатить за него, если умреть⁽⁴⁾. Убить его, или вола—было все равно: только заплати хозяину⁽⁵⁾.

Не говоримъ мы и о вакханаліяхъ и сатурналіяхъ, которыя такъ много находили себѣ почитателей у римлянъ, и на которыя, не смотря на крайнюю степень распутства ихъ, стекались люди тысячами, во имя Бога и религіи. Достаточно указать на одно лишь явленіе тогдашняго общества: на ужасныя зрѣлища въ коллизеѣ,—на бой и убой гладіаторовъ, чтобы по одной этой чертѣ общественной жизни видѣть всю глубину расплѣнія тогдашняго человѣчества. Зрѣлища эти поглощали иногда въ одинъ мѣсяць до двадцати тысячъ человѣкъ⁽⁶⁾. Съ злорадствомъ, жадными глазами смотрѣли мужчины и женщины, дѣти и старцы, какъ несчастные гладіаторы боролись съ раздраженными звѣрями, обливались кровію, были терзаемы и раздираемы на части. Если раненый звѣремъ гладіаторъ падалъ, то требовали, чтобы онъ кончилъ борьбу, а когда онъ просилъ пощады, ему отказывали въ томъ громкимъ крикомъ, при чемъ женщины махали платками⁽⁷⁾. Плиніи, будто за доблестное дѣло, хвалили Траяна за то, что, во время торжества побѣды его надъ Даками, въ теченіе 123 дней было растерзано до десяти тысячъ гладіаторовъ и одиннадцати тысячъ звѣрей⁽⁸⁾.

Такъ бѣдственна и расплѣнна была не озаренная свѣтомъ Богооткровенной религіи жизнь человѣчества!

(Продолженіе будетъ).

(1) Vid. Polit. Aristotel. 1. 4. 5.

(2) Senec. epist. 47.

(3) Nil inquam se domi, nisi nutu significasse, vel si-plura demonstranda essent scripto usum, necvocem consociaret. Такъ Тацитъ заставляетъ говорить отпущенника Палласа. Tacit. Annal. XIII. 23.

(4) Paul, sent. v. tit. XVI. § 3.

(5) Законъ—Аквины. Vid. cap. instit. 2. 213. Кромеъ сего, по свидѣтельству Плутарха, (Plutarch vit. Qu. Flamini Horat. cat. III), ихъ убивали, жгли, расщипали за самыя ничтожныя вины, или мучили по произволу, даже просто для забавы и злобынства; или, какъ свидѣтельствуеъ Плиніи (Plin, lib. IX. c. 33), бросали на обычный кормъ звѣрямъ.

(6) Avg, Nicol, Tom. 1. pag. 259.

(7) Juvenal. sat. III.

(8) Panegyр. 33.

НЕКРОЛОГЪ.

О. Матѳей Никифоровичъ Гусаковъ.

Въ декабрѣ 1878 г. скончался настоятель Ветляницкой Николаевской церкви, священникъ М. Н. Гусаковъ, 29 лѣтъ отъ роду. Покойный былъ уроженецъ Саратовской губерніи; образованіе получивъ въ саратовской семинаріи, въ которой и окончилъ курсъ во 2-мъ разрядѣ 1874 г. іюня 29 дня. 21 августа былъ опредѣленъ учителемъ въ камышинское дух. училище, Саратовской епархіи, въ подготовительный классъ; учительскую должность проходилъ по 1-е ноября 1875 г. Провѣдавъ около этого времени, что остается праздною священническое мѣсто въ Ветляницкой станицѣ, о которой онъ, со словъ своего предшественника по приходу о. Д. Никольскаго (тоже саратовецъ и бывший учитель Камышинскаго дух. училища), перешедшаго въ с. Золотуху, Енот. уѣзда, успѣлъ составить себѣ „дешнее и пріятное“ (собственными слова покойнаго) понятіе; онъ лично отправился въ г. Астрахань къ Преосвященному Хрисану съ просьбою о предоставленіи ему Ветляницкаго прихода. Преосвященный, по словамъ покойнаго, принялъ его просьбу „любезно“ и 23 ноября 1875 г. рукоположилъ его во діакона, а 27, того же мѣсяца и года, во священника.

На повоиъ поприщѣ своего общественнаго служенія о. Матѳей, при нѣботорыхъ, какъ человѣкъ, слабостяхъ, оказалъ соотвѣтствующимъ своему званію, призванію и назначенію. Ровный характеръ, скромное и тихое обращеніе съ прихожанами, постоянное и неуклонное исполненіе всякихъ желаній прихожанъ, почти ежедневное служеніе литургіи, въ холодной деревянной церкви, по желанію прихожанъ, усердное проповѣданіе слова Божія (во всѣ воскресные и праздничные дни), собесѣдованіе, въ послѣ-обѣденное время, съ прихожанами; не опустительное и сердечное занятіе въ станичныхъ училищахъ, въ качествѣ Законоучителя и открытіе церковно-приходскаго попечительства—сдѣлали его очень и очень популярнымъ въ глазахъ прихожанъ и ближайшаго начальства: прихожане его любили, а ближайшее начальство всегда аттестовало его съ лучшей стороны. Покойный, М. Н., нужно впрочемъ сказать, недовольствовался тою дѣятельностію, о которой мы только что сказали, но, слѣдя, по возможности, по литературѣ, за требованіями современнаго русскаго общества отъ правосл. пастырей, онъ, въ минуты братскихъ утѣшеній и товарищеской откровенности, высказывалъ еще многое и многое и конечно исполнилъ-бы... Но Всевышній судилъ иначе.. При самомъ нача-

лѣ своего истинно пастырскаго служенія, М. Н., умеръ отъ истеченія крови чрезъ горло. Войсковой врачъ г. Деннеръ свидѣтельствуеть, что о. Матосей былъ жертвою свирѣпствовавшей въ ст. Ветлянкѣ болѣзни, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ говорятъ о томъ, что онъ и безъ того не могъ расчитывать на долговѣчность. Посѣтивъ его недѣли чрезъ 3—4, по его приездѣ на приходъ, мы слышали, изъ собственныхъ его устъ, жалобу на непопятную для него периодическую, рѣзкую, боль въ животѣ. Далѣе, въ 1876 г. при возвращеніи отъ Чернопярскаго купца Ив. Ал. Бровкина, живущаго въ 10 вер. выше ст. Ветлянки, на своемъ рыбномъ промыслѣ, гдѣ о. Гусакъ былъ со св. крестомъ, онъ былъ завезенъ пьянымъ кучеромъ верстѣ на 15 въ степь, гдѣ, при страшной мятели и сильномъ морозѣ, и провелъ ночь, нѣмѣя на себѣ легкой одежды и обуви.... Какъ онъ не замерзъ—про то Господь вѣдаетъ, но только съ тѣхъ поръ онъ постоянно жаловался на боль въ спинѣ, въ плечу, съ лѣвой стороны, которая потомъ стала охватываться и на груди, появился сначала сухой кашель, а потомъ и кровавый; усилилась вмѣстѣ съ тѣмъ и боль въ животѣ, дошло наконецъ до того, что онъ рѣшительно не могъ переносить ни сильнаго холода, ни сильнаго жара. Такъ въ 1878 г. 9 мая, въ храмовой праздникѣ, съ нимъ едѣвалось такъ дурно, что его чуть не отпѣсли домой, гдѣ, только благодаря энергіи мѣстнаго фельдшера, онъ приведенъ былъ въ доброе состояніе и хотя дослужилъ литургію, но здоровье его становилось все хуже и хуже. Къ октябрю онъ настолько уже былъ слабъ, что когда атаманъ станицы явился къ нему съ приглашеніемъ—отслужить молебны въ церкви, по случаю возвращенія казаковъ съ ратнаго поля, то онъ, ссылаясь на нездоровье, отказался. 8 ноября онъ рапортовалъ, по случаю не бытія на съѣздѣ, мѣстному благочинному, что онъ боленъ и лечится, хотя и продолжаетъ: соборовать чумныхъ, каютствовать ихъ, отпѣвать и про-длин-въ-день, согласно желанію прихожанъ, служить для горбичищихъ...

Да, это именно былъ пастырь добрый, *положившій душу свою за овцы своя...* Нѣтъ сомнѣнія, что о. Матосей заразился, дѣйствующею въ ст. Ветлянкѣ болѣзнію, но несомнѣнно и то, что и помимо этой причины—онъ стоялъ уже на краю могилы.

Священникъ Фавій Колмиковъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Отдѣлъ оффиціальныи: 1) Высочайшій Манифестъ и указъ Св. Синода—о копчии Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владислава Константиновича. 2) Разныи извѣстія: Высочайшая награда. Утвержденіе въ должностяхъ, переименованіе и проч. Объявленіе. **Отдѣлъ неоффиціальныи:** 1) О судьбѣ достоятельности: свѣтской религіи въ дѣлѣ нашего спасенія; 2) Церковнои.

Редакторъ Я. Лебединскій.

Астрахань. 17 марта 1879 г. Губернская Типографія.

АСТРАХАНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

[ГОДЪ ПЯТЫЙ.]

Выходить еженедѣльно по дюокре-
сильнѣмъ. Годовая цѣна съ пересылкою
и доставкою, равно и безъ пересылки
и доставки 6 руб.

№ 12.

Подписка принимается въ редак-
ціи Епархіальныхъ Ведомостей, при
Астраханской Духовной Семинаріи,
въ г. Астраханѣ.

25-го марта 1879 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

РАСПОРЯЖЕНІЕ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА

Астраханская Духовная Консисторія слушала: отношеніе строительнаго от-
дѣленія Астраханскаго Губернскаго Правленія, отъ 31 января сего года за
№ 90, коимъ въ виду дошедшихъ до него свѣдѣній, о томъ, что въ селе-
ніи Кормовомъ, Черноярскаго уѣзда, окончена, по утвержденному 10 июля
1872 г. проекту, постройка церкви и въ ней производится уже Богослуже-
ніе безъ надлежащаго освидѣтельствованія ея въ прочности техникомъ, про-
сить Духовную Консисторію — свѣдѣть распоряженія объ освященіи вновь
устроенныхъ и перестроенныхъ церквей только по полученіи акта освидѣтель-
ствованія работъ, произведеннаго при участіи техника. Приказали: О
содержаніи настоящаго отношенія строительнаго отдѣленія Губернскаго Прав-
ленія напечатать для свѣдѣнія причтовъ и прихожанъ въ „Епархіальныхъ
Вѣдомостяхъ“; причемъ вмѣнить тѣмъ и другимъ въ обязанность, чтобы они
входили къ епархіальному начальству съ прошеніями объ освященіи вновь
устроенныхъ или перестроенныхъ церквей не прежде, какъ по освидѣтельствова-
ніи оныхъ техникомъ и съ приложеніемъ при нихъ актовъ свідѣтельства;
въ противномъ случаѣ ходатайства ихъ будутъ оставляемы безъ послѣдствій.
На семъ журналѣ резолюція Его Преосвященства послѣдовала таковая: „1879
года февраля 28 дня. Исполнить“.

Разныя Извѣстія.

Утверждены въ должностяхъ: *предсѣдателя* церковно-приходскаго попечительства Слободской Троицкой церкви, Царевского уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Гриценко* и *членовъ* оного — крестьяне: Степанъ *Ромащенко* и Иванъ *Сименко* на трехлѣтіе [27 февраля]; *церковныхъ старостъ*: къ Красноярскому Владимірскому собору, — купеческій сынъ Іаковъ *Дмитріевъ* [8 марта] и къ церквамъ Царевского уѣзда: Покровской — Средне-Погроминской крестьянинъ Павелъ *Харчевъ*, Покровской-же Зайлаинской — крестьянинъ Савелій *Куріановъ*, и къ таковой-же Широкинскій Михаилъ *Корсаковъ* [28 февраля], изъ ихъ Дмитріевъ и Корсаковъ — на первое трехлѣтіе, а Харчевъ и Куріановъ — на 4-е трехлѣтіе.

— **Опредѣленъ** исправляющимъ должность псаломщика къ Аксайской Николаевской церкви, Черноярскаго уѣзда, воспитанникъ V класса Астраханской духовной семинаріи Василій *Касіевъ* [6 марта].

— **Перемѣщенъ** пасторъ кормовской Николаевской церкви, Черноярскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ *Саворскій*, на таковую-же должность къ Полого-Займищенской Вознесенской церкви, Царевского уѣзда [6 марта].

— **Выдана сборная книга** крестьянамъ поселка Шандасты: Евтихію *Рвачеву* и Лебятію *Гладкову*, срокомъ на одинъ годъ, для сбора добродѣтельныхъ пожертвованій по Астраханской епархіи, на постройку церкви въ означенномъ поселкѣ [1 марта].

— **Праздное мѣсто** пастора Кормовской Николаевской церкви, Черноярскаго уѣзда.

ОУДѢВЪ НЕОФОЦИАЛЬИИ.

О не состоятельности естественной религіи въ дѣлѣ нашего спасенія.

(Продолженіе) (1).

II. Правда философовъ древняго міра, по своимъ понятіямъ о религіи и правдивости, стояла выше простаго народа. Изслѣдывая ученіе ихъ мы находимъ, что Юпитеръ, по ихъ мнѣнію, уже не тотъ вызолоченный колоссъ, предъ которымъ благоговѣла толпа, и боги ихъ не таковы, какими создали

(1) См. Астрах. Епарх. Вѣдом. N 11.

них поэты⁽¹⁾. При всемъ томъ и они не могли ни преподавать человечеству истинной религіи, ни поддержать нравственности, во всей чистотѣ, потому что и сами не имѣли о томъ точныхъ понятій.

Извѣстно, что главные предметы религіознаго ученія—Богъ, назначеніе человека и его безсмертіе—суть предметы сверхъестественные, до познанія которыхъ философы могли доходить, либо чрезъ наведеніе, либо чрезъ аналогію, такими способами, въ заключеніи конхъ всегда бываетъ болѣе, чѣмъ въ послыкахъ. Явно, что, при этомъ условіи, безошибочныхъ познаній для нихъ и быть не могло. По крайней мѣрѣ, мы не видимъ ни одной философской школы, которая-бы не погрѣшала, касательно важнѣйшихъ предметовъ религіи. Сколько исторія философіи представляетъ намъ мнѣній о Богѣ, изъ которыхъ одно другаго нелишье! Эпикуръ, наприм., училъ, что Богъ есть существо, праздное, ни мало не заботящееся о мірѣ⁽²⁾. Стоики утверждали, что онъ есть чистѣйшій эфиръ, находящійся въ верхнихъ слояхъ атмосферы⁽³⁾. Школа элейская проповѣдывала всебожіе⁽⁴⁾, и лучшіе изъ греческихъ философовъ не смѣли вѣрнѣе помыслить о Богѣ, называли его, или образователемъ, тогда видимаго міра, какъ Платонъ⁽⁵⁾, или первымъ движителемъ, какъ Аристотель⁽⁶⁾. Самъ Сократъ, о которомъ говорятъ, что онъ свелъ философію съ неба, въ предсмертныя минуты поручилъ принести жертву Эскулапу⁽⁷⁾; сдѣдовательно, кромѣ Бога истиннаго, признавалъ и боговъ черни... Есть основаніе думать, что какъ онъ, такъ и Платонъ, сливали Высочайшее Существо съ міромъ⁽⁸⁾.

Равнымъ образомъ и на вопросъ: откуда міръ и человекъ, древніе фило-

(1) Платонъ изъявлялъ негодованіе на вымыслы поэтовъ, уничтожающіе божество. Vid. *polit...* Сократъ, насмѣхался надъ богами, обыкновенно клялся дубомъ, козломъ, или собакою. Диогенъ, равнымъ образомъ, насмѣхался надъ Геркулесомъ; а римскій циникъ Варронъ насчиталъ до трехъ сотъ безголовыхъ Юпитеровъ. См. Терт. Апол. гл. XIV; также у Лакт. на стр. 61.

(2) Cicero. *de nat. deorum*, lib. c. 17. Lucret. c. 5.

(3) Vid. *inst. histor. Philos.* Bruck. ст. 229. 9. 5.

(4) См. въ ист. высокопроевъ. Филарет. стр. 157.

(5) Tim. Tom. III. стр. 26. Cicero. *Tuscul. quaest. lib. 1. c. 6.*

(6) См. *inst. Hist. Philos.* Bruck. ст. 197. 9. 19.

(7) См. Апол. Терт. стр. 92. Conf. Xenoph. *de factis et dictis Socratis* l. 1, c. 1.

(8) См. Tim. Tom. III. стр. 34.

боги также не могли дать вѣрнаго отвѣта⁽¹⁾, такъ-что, если вѣрить Цицерону, то почти все они разогласили между собою въ томъ: богами-ли съ самаго начала все сотворено, движется и управляется⁽²⁾.

Вопросъ о происхожденіи зла въ мірѣ былъ новымъ камнемъ претканин для философовъ. Мудрецъ персидскій Зороастръ утверждалъ, что отъ вѣчности существуютъ два равныя начала: доброе и злое, свѣтъ и тьма; поэтому зло неизбѣжно, какъ и добро⁽³⁾. Глава академіи, согласно началамъ своей философіи, думалъ, что зло происходитъ отъ злой вѣчной матеріи, которую Богъ никакъ не могъ сдѣлать доброю⁽⁴⁾. Зеновъ, основатель стоической школы, училъ, что добро и зло опредѣлены необходимою судьбою, и слѣдуютъ въ мірѣ по непрерывной связи причинъ и дѣйствій, какъ звѣнья въ цѣпи⁽⁵⁾. Камъ будто вѣчная матерія, злое начало, неумолимый рокъ, суть что набудь большіе мечты и выдумки, съ принятіемъ которыхъ, однакожъ, мы неизбѣжно должны отвергнуть понятія о безпредѣльномъ совершенствѣ и всемогуществѣ Божества!

И касательно судьбы нашей за гробомъ, мы не находимъ въ древней философіи почти ничего утѣшительнаго⁽⁶⁾. Даже Сократъ, умершій въ уваже-

(1) Удалось все производило изъ воды: Aristot. Methaphys. lib. 1. c. 3. et Cicer. de natur. deor. lib. 1. c. 10. Анаксимандръ полагалъ въ основаніи всѣхъ явленій единое предѣленное: См. очерк. истор. философ., по Рейнгольду на стр. 12. Анаксименъ первымъ началомъ всего признавалъ воздухъ. Inst. Hist. Philos. Bruck. стр. 132. § XI. Демокритъ и Эпикуръ — вѣяние атомы. Idem. стр. 265. § XVI, Платонъ утверждалъ, что міръ образованъ и только образованъ Богомъ изъ вѣчной матеріи (Plato in Philebo); и что душа человека, происходя изъ Бога, имѣетъ въ себѣ ничто матеріальное (in Philebo).

(2) Cicer. de nat. deor., lib. 1, c. 1.

(3) Jacob. Bruck, Inst. Hist. Philosoph. pag. 51. § XI. Conf. Sendanesta, ed. Kleukeri Th. 11. pag. 376.

(4) Plat. in Phileb. Plutar. de anim. procreat.

(5) Inst. Hist. Philosoph. Bruck. Physiolog. Stoic. § 5. стр. 220.

(6) Слостолюбивый Эпикуръ ограничиваетъ существованіе души здѣшнимъ міромъ, говоря, что не надо бояться смерти, потому что мертвый не чувствуетъ... См. очерк. истор. философ. по Рейнгольду на стр. 55. Стоики почитали безсмертіе проблемною: а у Платона и его послѣдователей ученіе о безсмертіи обезображено душепереселеніемъ, и скорѣе располагаетъ къ невѣрію въ наше за гробомъ существованіи, чѣмъ къ вѣрѣ.

ни къ нравственному достоинству своей природы, не сказалъ предъ смертію своею ничего дѣрнаго о ея послѣдствіи⁽¹⁾.

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что лучшіе философы древности и сами ссрапавались въ ограниченности своихъ познаній въ дѣлѣ религіи: „благочтенію, говоритъ Платонъ, никто не можетъ научить людей, если не самъ Богъ, придетъ на землю, какъ вождь и паставникъ“⁽²⁾. И Сократъ говоритъ Алкивиаду: „необходимо нужно ожидать наставника, который-бы научилъ насъ, какъ должно вести себя достойно предъ Богомъ и людьми“⁽³⁾. На то-же указываетъ и Цицеронъ, когда говоритъ: „не сознается-ли самій лучшій и глубокомысленный изъ философовъ, что онъ многого не знаетъ, и что ему нужно учиться, да учтсья“⁽⁴⁾...

Обращая вниманіе на способъ, которымъ руководствовались философы, при изложеніи своего ученія, мы видимъ, что онъ полагалъ новую преграду къ распространенію познаній о предметахъ религіи.

Между крѣпкими философами господствовало мнѣніе, что правильное понятіе о религіи и въ особенности о единомъ Виновиатѣ всего существующаго, можетъ быть удѣломъ не многихъ мужей, достигшихъ высокаго умственнаго развитія; а простой народъ почитался неспособнымъ возвышаться надъ суевѣріемъ. Цицеронъ прямо говоритъ, что философія довольствовалась не многими судьями, и съ намѣреніемъ удалалась черни⁽⁵⁾. Варронъ, одинъ изъ ученѣйшихъ римлянъ, разсуждая о религіи, выразился такъ: „много есть истиннаго, что народу знать полезно, и много ложнаго, о чемъ народу бесполезно думать иначе“⁽⁶⁾. Само-собою разумѣется, что руководимые такимъ предразсудкомъ философы, хотя усматривали нелѣпность народныхъ мнѣній, однако не вооружались со всею ревностію противъ суевѣрія, утвержденнаго

(1) Друзья, говорилъ онъ, настала часъ разлуки: мнѣ должно умереть, а вамъ жить. Кому изъ насъ лучше будетъ—этого, кромѣ Бога, никто не знаетъ. *Plat. in Apoloh. Socrat.* Смерти не бойтесь: она подобна, или глубочайшему сну, или послѣ ея все уничтожается. *Plutarch. in Consolat. ad. Apd. vid. l. VI p. 408.*

(2) *Plat. in Epimemid, pag. 111.*

(3) *Alcibiad. 11. p. 1. r. 2. pag. 296.*

(4) *Cicer. in quaest. Tuscul. lib. 111. Conf. Jambli. in vita Pythagor. c. 82. Quae Deo grata sunt, scire difficillimum est, nisi quis vel Deum ipsum, vel eum, qui Deum audivit, audiverit.*

(5) *Cicer. de divinat. lib. XXII.*

(6) *August. de civit. Dei. lib. IV. c. 10.*

временем и навывкомъ. Да едва-ли бытъ, хоть одинъ изъ нихъ, который-бы въ дѣлѣ религій рѣшился идти на переکورъ своему вѣку. Сократъ, имѣвшій болѣе другихъ возвышенные помысли о Богѣ, одобрялъ однакожъ отвѣтъ дельфійскаго оракула: „боговъ, согласно законамъ общества, должно почитать“ и, если вѣрить Ксенофонту, то поставлялъ даже въ обязанность „каждому въ дѣлѣ религій слѣдовать своей землѣ⁽¹⁾!“. А Платонъ настаивалъ, чтобы „въ вѣрѣ принятой ничего не было измѣняемо“⁽²⁾. Говоря о Богѣ, сотворившемъ міръ, онъ сказывалъ, что трудно Его найти, и запрещалъ объявлять о Немъ пароду, общаясь и самъ говорить о Немъ не иначе, какъ загадками, изъ опасенія подвергнуть эту великую истину посмѣянію⁽³⁾. Наконецъ, Цицеронъ, посвященный, какъ авгуръ, во все мистеріи своей религій, хотя въ 3-й книгѣ о естествѣ боговъ рѣшительно отвергаетъ идолослуженіе, однакожъ тѣмъ не менѣе внушаетъ, чтобы установленія жрецовъ (pontificum) и авгуровъ были соблюдаемы⁽⁴⁾. Все это ведетъ къ тому заключенію, что подобные люди, содержащи истину въ неправдѣ (Рим. 1. 18), и познавши Бога, не хотѣли и не могли быть наставниками рода человеческого въ дѣлѣ религій (Рим. 1, 21).

Но не имѣя ни расположенія, ни возможности сообщать человѣчеству истинныя понятія о религій, древніе философы тѣмъ менѣе могли содѣйствовать исправленію и его нравственности. Это доказываетъ и жизнь ихъ и правоученіе.

Не говоря уже о эпикурейцахъ, кпренаикахъ и циникахъ, правила которыхъ были притчею въ глазахъ самихъ язычниковъ, водившихся болѣе возвышенными помыслами, мы могли-бы указать на слабыя стороны жизни даже корифеевъ языческой мудрости⁽⁵⁾; но чистота, требуемая Евангеліемъ, побуждаетъ насъ опустить завѣсу надъ дѣлами тьмы: довольно замѣтить съ апостоломъ, что *преданіе* ихъ Богъ въ похотехъ сердець ихъ въ нечистоту: *во еже осквернитися тѣлесемъ ихъ съ собою самихъ* (Рим. 1, 24; Евес. 4, 17—20). Цицеронъ, по тщательномъ изслѣдованіи жизни филосо-

(1) Воспомин. Ксеноф. кн. 10.

(2) Плат. о зак. 5.

(3) Письмо 2-е къ Діонисію. Conf. Cic. de natur. deor. Lib. 111, стр. 2.

(4) Conf. de legibus. Lib. 11. cap. 3.

(5) Senec. de vita beat. cap. 10.

фовъ, дѣлаетъ о нихъ далеко не лестные отзывы: „какой, философъ, говоритъ онъ, жилъ такъ, какъ требовало того разумъ?... Кто изъ нихъ былъ послушенъ своему уму и правиламъ?... Одни были преданы сребролюбію, другіе тщеславію, а иные другимъ страстямъ, такъ-что ихъ живыи и ученіе удивительно какъ разногласятъ между собою“⁽¹⁾.

Но если правила нравственности, внушаемыя философами, не были ни по могли быть оправданы собственною ихъ жизнью, то могли-ли они имѣть силу и важность для другихъ? Не вправд-ли былъ всякій спавать такимъ наступникамъ: *врачу исцѣлися самъ* (Лук. 4, 23)? И всегда-ли возвышенныи и поногрѣнимы были эти правила? Не большая-ли часть изъ нихъ вронп-пута самыи трубами заблужденіямъ? Такъ, это, говоря словами св. Амвро-сія, только снаружи было золото; если-же посмотрѣть во внутрь (*intus*), то находимъ только руду⁽²⁾.

Самоубійство, противъ котораго такъ рѣшительно возстаетъ христіанская нравственность, одобрялось, даже славными въ своемъ родѣ мужами древности, а стоики отзывались о немъ, какъ о самомъ добродѣльномъ поступкѣ, прбславляя, какъ нѣчто такое, за исполненіе чего должно благодарить бо-

(1) Tuscul. quaest. lib. 11. c. 4.

(2) См. Epist. 82. И у Эпикура есть трактатъ (*liber*) о святости говорить съ на- сѣбнкою Цицеронъ; по какой бытъ святости тамъ, гдѣ дѣлами человѣчекими управляютъ не боги? Хотя-бы никогда не было такого бога, который не жаждетъ ни благодарности, ни любви людской. Да у лучшихъ представителей стоической школы—наряду съ прекрасными правилами, читаемъ: наживайтесь друзьями, наживайтесь! наживайтесь, гдѣ можно, честно, и гдѣ иѣтъ-зя, тамъ какъ ни пошло наживайтесь; а о добродѣтели уже почти подумаемъ. Цицеронъ, разве не спавъ въ часъ надъ собою: онъ не столь мужественъ. Онъ поддерживается отъ удовольствій, потому что не можетъ ницъ наслаждаться: мы—потому что не хотимъ. Онъ иѣтъ срадаиій: мы—превыше ихъ!... (Vid. Horat! o Cives! *quaerenda paecunia primum, virtus post nummos; rem facias, rem, si possis recte, si non, quocunque modo rem!*..) Senec. Epist. V. de providentia b. Или мудрый, говоритъ Сенека, не предается никогда соблазнаю. Сожалѣніе; старухами и дѣвочками престоупи- но принимаемое за добродѣтель, пороку... Мудрый никогда не прощаетъ. (*Misericordia est aegritudo animi... Sapiens non miseretur... non ignoscit*). Эти слова Сенеки (*Conf. de Clementia 11. 4, 5 и 6*) выражаютъ чистое ученіе стои- ковъ, какъ оно утверждено Цицерономъ (*Tuscul. quaest. 4*) и оспорено блж. Авгу- стиномъ, (*о градѣ Бож. 1. XIV*). И не на гордости-ли основана вся мнѣня сила стоицизма? По-крайней-мѣрѣ, чѣмъ другимъ объяснимъ себя слова Сенеки?

говы⁽¹⁾. И употреблять ложь, особенно въ отношеніи къ простыкамъ, мудрецу также не вліялось въ безчестіе⁽²⁾.

Болше можетъ нравиться нравственность Платона: она пробуждала иногда въ сердцахъ почитателей его сильное стремленіе ко всему высокому и благородному. Но справедливость требуетъ сказать, что и его нравственный принципъ невзяты отъ заблужденій: не одобряя, напр., пьянство въ обыкновенные дни, въ день празднованія Бахуса онъ не находилъ предосудительнымъ упиться до излишества⁽³⁾; въ супружествѣ позволялъ имѣть общіхъ жонъ⁽⁴⁾, даже родныхъ сестеръ⁽⁵⁾; и одобрялъ подкидываніе дѣтей. Самъ Сократъ училъ Теодотію визкому искусству — обольщать юношей⁽⁶⁾. До такой степени сбивчивъ и новѣроны взглядъ философовъ древности на самыя коренныя правила жизни!

Заключимъ изслѣдованія наши о не удовлетворительности естественной религіи, столь разительна высказавшейся въ ученіи и жизни древнихъ мудрецовъ; словами Канта, который говоритъ: „я не нахожу въ древней философіи ни нистаго понятія о Богѣ, какъ существѣ совершеннѣйшемъ и какъ о нравственномъ виновникѣ и правителѣ міра, ни основанія истинной нравственности, которая у стоиковъ является слишкомъ суровою, а у эпикурейцевъ слишкомъ слабою⁽⁷⁾. Такой отзывъ о скудныхъ плодахъ древней философіи, для образованія современнаго ей человечества, сдѣланный однимъ изъ самыхъ жаркихъ поборниковъ разума, весьма ясно указываетъ на недостаточность самаго рационализма, который почитаетъ по нуажно откровенную религію, при религии естественной.

Впрочемъ, для естественной религіи настала лучшій періодъ, со времени христіанства. Идеи ея видію обогородилась. Но и въ этомъ періодѣ своего развитія, какъ мало представляла она основаній для познанія истины! Чему учить насъ, наприм., философія французская, развивавшаяся до революціи

(1) Cicer. de fin. 111, 8, 18.

(2) Vid. stob. 1. стр. 230.

(3) Плат. о зак. lib. 6.

(4) Плат. о рещ. lib. 4.

(5) Dialog. 5 in Republ.

(6) Vid. Xenoph. de dictis et factis mirab. 1. IV. стр. 2.

(7) Vid. Lenisech. Beschreiben an Spalding pag. 55, 92. Conf. Institut. Theol. Feier. T. 8. p. 70.